

В мгновение, когда Е Хуай исчез, алые цветы туми сокрушили заслон из дыхания скверны и яростно ринулись к печати заклѳтия.

В самый последний миг Цзян Ту успел влить в печать каплю духовных сил. Он шагнул вперед, намереваясь броситься в погоню, но Чэн Се преградил ему путь.

Цзян Ту смерил преградившего дорогу Чэн Се ледяным взглядом.

Чэн Се расхохотался:

— Не ожидал, что удостоюсь чести увидеть господина Цзяна во гневе. Выходит, и вы бываете не столь невозмутимы... Какая трогательная, истинно сыновняя привязанность ученика к наставнику!

Гнев?

Цзян Ту понимал, что это не так. Он давно лишился земных чувств и страстей, а потому не ведал душевных бурь. То, что он испытывал сейчас, было скорее досадой.

Обыкновенной раздражающей досадой от того, что кто-то посмел увести его человека прямо у него из-под носа.

— Уйди с дороги. По-хорошему, — в руке Цзян Ту соткался длинный бич.

Сгустки скверны, пытавшиеся подобраться ближе, при первом же соприкосновении с оружием с шипением осыпались пеплом.

Чэн Се невольно отшатнулся, настороженно сощурившись.

Обычные заклинатели носили свое оружие — вроде сабель Чэн Се и Чэн Жана — на поясе. Но этот Бич Бесформенности Цзян Ту высек из чистой духовной энергии, придав силе осязаемую, плотную форму.

Немногие во всем поднебесном мире могли сотворить оружие силой одного лишь намерения, не говоря уже о клинке или плети, способной без труда развеивать дыхание скверны.

Артефакты, подобно ступеням самосовершенствования, делились на ранги: от первого до третьего, а выше стояли ранги Земли и Небес. В нынешние времена лишь оружие третьего ранга могло сразить призрачного зверя. Земных сокровищ в мире едва ли насчитывалась сотня, а небесных было и того меньше — всего семь, по одному на каждую из великих бессмертных вершин.

К какому же рангу принадлежал этот диковинный бич в его руках?

Как минимум к Земному.

Каким же могуществом должен обладать этот человек, если он с такой легкостью подчинял себе силу Земного ранга?

Чэн Се вспомнил, как накануне этот безумец небрежным жестом отшвырнул его на сотню чжанов. Лицо предателя потемнело от злобы:

— А вы умело притворялись, господин Цзян. Славное представление разыграли, комедиант.

Цзян Ту резко взмахнул плетью, и в клубах скверны с сухим треском прорубилась широкая просека.

— До вашего актерского мастерства мне далеко.

И без лишних слов он рванулся в атаку.

Чэн Жан наконец опомнился и, вскинув саблю, бросился следом. Они сошлись в яростной схватке, зажав предателя в тиски.

Грохот!

Столкновение чистой духовной силы и удушливой скверны породило яростный взрыв, эхо которого, казалось, распороло затянутые тучами небеса.

Чэн Се дрался без оружия — лишившись золотого ядра, он больше не мог управлять саблей. Он лишь вскинул руку, и плотные жгуты скверны живой стеной преградили путь Чэн Жану, а затем устремились к Бичу Бесформенности в руках Цзян Ту.

Тьма и свет переплелись на оружии, подобно двум свирепым цзяо-драконам, бьющимся за право вознестись на небеса. Чэн Се мертвой хваткой вцепился в плеть и рванул на себя. Черный жгут натянулся до предела, зазвенев тетивой в воздухе. Два противника застыли, мерясь силами.

— Поглядите-ка, господин Цзян, — прохрипел Чэн Се, тщетно пытаясь поймать взгляд Цзян Ту сквозь колышущуюся пелену скверны. — Еще вчера я ползал перед вами в грязи, а сегодня бьюсь на равных. Вот она, щедрость Владыки демонов! Куда проще и слаще ваших унылых многолетних трудов.

Цзян Ту лишь холодно усмехнулся:

— Вот как?

И в тот же миг Бич Бесформенности вспыхнул. То были не просто золотистые искры духовной силы, напоминающие искры костра, а настоящее, пожирающее воздух пламя.

Не обычный земной огонь, а первозданное адское пламя, рожденное в безднах чистилища. Оно пожирало саму суть, плавило души и никогда не угасало.

Огненный вихрь устремился к Чэн Се. Тот среагировал мгновенно, выпустив плеть и отпрянув назад, но пламя не ограничилось оружием. Оно рассыпалось сонмом алых искр, которые обернулись лепестками туми и опали на руку безумца, тут же пустив корни под кожу.

Чэн Се не успел осознать, что произошло, как цветы туми распустились прямо в его плоти сочными, налитыми кровью бутонами. Безжалостный огонь вьелся в живое мясо, плавя мышцы и добираясь до костей. В мгновение ока правая рука лишилась плоти — остался лишь обглоданный белесый скелет.

Черный сгусток скверны с глухим влажным звуком отсек руку Чэн Се по самое плечо. Дикий, истощенный вопль разорвал тишину. Обезумев от боли, тот рухнул на колени, зажимая искалеченное плечо уцелевшей ладонью.

Из раны не пролилось ни капли крови — лишь густая черная жижа лениво капала на сырую землю.

Но Цзян Ту подметил деталь: во взгляде Чэн Се помимо муки промелькнули искры крайнего изумления и досады.

Неужели скверна отсекла его руку без его собственного приказа?

Не дав противнику опомниться, Цзян Ту тихим, безжалостным голосом произнес прямо над его ухом:

— И это ты называешь «равными силами»?

В следующий миг...

Бич Бесформенности со свистом обвился вокруг шеи Чэн Се, затягиваясь все сильнее.

Багровое свечение рассеяло клубы тьмы. Цзян Ту потянул за плеть, заставив шейные позвонки

Чэн Се хрустнуть. Ему ничего не стоило лишить этого выродка жизни прямо сейчас.

Хрипя и задыхаясь, Чэн Се отчаянно скреб ногтями обвившую шею змею:

— А-а... Разве ты... не хочешь знать, где твой щенок?.. У него ведь... кость Циляня... Ты ведь возишься с ним... только ради нее, верно?..

Цзян Ту слегка нахмурился. Алые лепестки туми сорвались с бича и, обернувшись бритвенно-острыми лезвиями, прошлись по сухожилиям на руках и ногах предателя.

Чэн Се повалился в грязь, извиваясь от невыносимой судороги, но на его перекошенном лице все еще играла безумная ухмылка:

— Ты все-таки злишься! Ха-ха-ха... Господин Цзян, твой ненаглядный ученик уже на волосок от смерти! Что же ты не умоляешь сказать, где он? Будь я милосерднее, подсказал бы... Глядишь, успел бы унести его остывающее тело!

— Я забираю свои слова назад, — ровно произнес Цзян Ту. — Сила, полученная ценой сделки с демоном, не возвысила тебя. Ты сгнил изнутри в то же мгновение, когда принял ее.

Краткая схватка позволила ему понять главное: Чэн Се не имел никакого отношения к разрушению Барьера Небесной реки.

Предатель действительно обрел немалую мощь, заставив Цзян Ту призвать свое истинное оружие — Бич Бесформенности, что само по себе было данью уважения силе врага. Но увы, даже продав душу и став чудовищем, Чэн Се не смог продержаться и трех разменов.

Однако эта легкая победа не принесла Цзян Ту радости. Напротив, его движения становились все более стремительными, а в груди зародилась глухая, им самим еще не осознанная тревога.

Сил Чэн Се ни за что не хватило бы, чтобы пробить брешь в Барьере Небесной реки.

Цзян Ту прекрасно помнил этот барьер в его первозданном величии. Даже десяток таких ничтожеств, как Чэн Се, не смогли бы сравниться с сияющим щитом духовной энергии. К тому же то, с какой легкостью скверна лишила своего носителя правой руки, указывало лишь на одно.

Даже та сила, которой он так бахвалился, ему не подчинялась. Безумец возомнил, будто переродился, не понимая, что это лишь предсмертная вспышка перед окончательным гниением.

Защитную печать разрушил кто-то другой, а Чэн Се был лишь пешкой, жалкой приманкой,

призванной выиграть время. Истинной целью этого неведомого врага был Е Хуай.

Какая гнусность.

Изнутри Цзян Ту поднималась глухая, удушливая ярость.

Оставленная им на мальчишке следящая метка почти угасла, истончившись до предела. Но куда страшнее было другое: как создатель Замка долголетия, Цзян Ту отчетливо чувствовал, что защитный артефакт на груди ученика вот-вот рассыплется в прах.

Е Хуай погибал.

Минуло всего несколько мгновений с тех пор, как Чэн Се преградил ему путь, а мальчик уже находился при смерти.

Любой здравомыслящий заклинатель знал, что Е Хуай еще слишком юн, и кость Циляня в его теле не успела полностью сформироваться. Попытайся кто-то вырвать ее сейчас — он получил бы лишь бесполезную, незрелую кость. Тот, кто охотился за этой реликвией, ни за что не стал бы лишать сосуд жизни на этой стадии.

Значит, дело вовсе не в кости Циляня?

Не удостоив корчащегося в грязи Чэн Се даже взглядом, Цзян Ту сорвался с места и устремился на поиски ученика.

Чэн Се хрипел, содрогаясь всем телом. В его безумном, полужверином взгляде, устремленном вслед удаляющейся фигуре, кипела черная, ядовитая злоба.

Раздались тяжелые шаги. Холодная сталь коснулась его горла.

Чэн Се с трудом повернул голову и встретился взглядом со старшим братом. Губы его расплзлись в уродливой ухмылке:

— Что, шисюн... жалеешь теперь, что не прирезал меня раньше? Барьер Небесной реки пал, нашему ордену конец! Будь учитель жив, он бы проклял тот день, когда отдал тебе место главы ордена. Если бы не твоя слабость, мы бы не оказались у этой черты!

Чэн Жан сжал кулаки так, что побелели костяшки, но тут же бессильно опустил руки.

— Ты и сейчас думаешь лишь о власти?! Чэн Се!! В уезде Наньту живут тысячи людей... Это невинные души! Как ты можешь сравнивать их жизни с постом главы ордена?!

— Почему нет?! — выкрикнул Чэн Се, безуспешно пытаясь подняться. — Я с малых лет во всем следовал правилам! Днями и ночами совершенствовался, не совершил ни единой ошибки! А ты? Вечно искал неприятности, плевал на запреты... И все же учитель выделял именно тебя. Думаешь, я не видел, к чему все идет? Он с самого начала собирался отдать орден тебе! Устаревшие догмы Ордена Прихода и Ухода давно мешали нам укрепиться в Среднем царстве! Учитель достиг третьего ранга, основатель был на третьем ранге, среди учеников никто не опускался ниже второго! Мы могли бы подняться к вершинам, войти в десятку величайших кланов, заявить о себе в Вышних сферах! А вместо этого нас собираются вышвырнуть из Среднего царства! Как, по-твоему, я должен был на это смотреть?!

— Довольно! — взревел Чэн Жан. — Первая заповедь нашего ордена — защищать слабых! Разве, преклоняя колени перед поминальной табличкой основателя ордена, мы не клялись презирать славу ради спасения жизней? Ты стер эту клятву из своей памяти?!

— Защищать слабых? — Чэн Се зашелся кашляющим, безумным смехом. — Жалкие смертные без капли духовных сил... Да чем они отличаются от скотины? Источники иссякают, мир захлебывается сквеной. Чтобы выжить, нужно идти по головам вверх! Слабых никто не станет спасать! Думаешь, этот Цзян Ту помогает тебе от чистого сердца? Ха! Он печется лишь о Е Хуае и о собственной выгоде. Чем грозит укрывательство кости Циляня... Раскинь мозгами, братец!

— И ради этого ты согласился стать чужой марионеткой... — Чэн Жан опустил голову. Он наконец осознал, что того Чэн Се, которого он знал с детства, больше нет. Перед ним стоял лишь призрачный слуга демона, облаченный в тело его брата.

Острые Сабли Вступления в Сражение замерло у горла предателя.

Чэн Се затрясся всем телом — яд скверны пожирал его плоть изнутри, лишая последних сил. Голос его сорвался на визг:

— И пусть! Учитель ценил меня! Это я умолял его забрать тебя с собой! Всем, что у тебя есть, ты обязан мне... А он все равно выбрал тебя! Шисюн, я отомщу тебе, отомщу учителю, отомщу каждому в ордене! Вы сами ослепли, так в чем моя вина?! Ненавидь меня, шисюн! Ненавидь так же, как старик перед смертью! Пусть этот кошмар преследует тебя до могилы, пусть перед глазами вечно стоит картина того, как ты сам перерезал мне горло... Ха-ха-ха!

Чэн Жан оставался пугающе спокоен. Клубы дыхания скверны трепали его подол, оставляя на коже глубокие порезы. Словно вожак стаи, отстоявший свое право в смертельной схватке, он молча взирал сверху вниз на поверженного соперника.

— Се-эр, — тихо произнес Чэн Жан. — Я не держу на тебя зла. И учитель никогда не держал. Для нас обоих... ты всегда был родным человеком.

Безумная ухмылка сползла с лица Чэн Се.

— Не ненавидишь?.. Но почему?! Неужели все мои злодеяния для вас — пустой звук?! Брат, я вот-вот обращаюсь в призрачного зверя! Если ты не прикончишь меня сейчас, я сам перережу тебе глотку!

Чэн Жан зажмурился, сдерживая рвущиеся наружу слезы.

— Именно потому, что ты дороже всех на свете для меня и покойного учителя... мы никогда не сможем возненавидеть тебя. Ступай в преисподнюю, брат. И попытайся там все осмыслить.

Миг, когда тяжелый клинок пришел в движение, показался вечностью. Корчась в дорожной пыли, Чэн Се увидел, как перед его угасающим взглядом замелькали обрывки забытых воспоминаний. Они кружились, плавись в темноте, пока наконец не застыли в образе двух до боли знакомых силуэтов — высокого и пониже.

То были их учитель, тогда еще полный сил глава ордена, и маленький Чэн Жан. Они шли впереди, держась за руки, о чем-то увлеченно беседуя и смеясь. И ни один из них не оглянувшись, не заметил, что плетущийся позади Чэн Се давно отстал.

Мальчик смотрел им в спины с горькой обидой.

Вдруг старый мастер остановился. Он обернулся. Черты его лица тонули в дыхании скверны, но Чэн Се отчетливо видел, как учитель поспешил к нему навстречу — быстро, разгоняя скопившуюся вокруг тьму.

Чэн Се судорожно сглотнул, задыхаясь от ужаса:

— Я... я не боюсь тебя, старик! Наконец-то пришел покарать меня?! Ха-ха... Да мне плевать! Ты сам виноват, нечего было обделять меня любовью! Ты заслужил смерть, заслужил!..

Но сильные, надежные руки бережно подхватили его. Чэн Се с изумлением обнаружил, что вновь стал маленьким мальчиком. Над его ухом раздался ворчливый, но бесконечно теплый голос старого главы:

— Шаофу, ну что ты опять надулся? Полно тебе, не дуйся на брата. Пойдем, учитель купит тебе твоих любимых полынных пирогов. Ну же, идем.

Ладони старика, иссеченные шрамами от долгих лет тренировок с саблей, пахли целебной горькой мазью. Этот родной, забытый запах заполнил все существо Чэн Се.

— Учитель... — Чэн Се судорожно вцепился в жесткий воротник его одеяния. Он даже не заметил, как по его щекам покатились крупные, горячие слезы.

В суровой реальности черная скверна уже поглотила его тело больше чем наполовину. Еще немного — и он обратился бы в безумную тварь.

Его остекленевшие глаза бессмысленно всматривались в пустоту. Он шептал синеющими губами:

— Учитель, возьмите брата тоже... Обещаю, я буду заниматься усерднее всех, я не подведу вас... Только не разлучайте нас с братом, умоляю...

А затем горько разрыдался:

— Брат, мне страшно... Я больше не хочу возвращаться в те трущобы, где каждый прохожий мог избить нас... Не хочу голодать по трое суток, драться с бродячими псами за кусок гнилого хлеба... Помнишь, ты ведь чуть не умер тогда? Шисюн, мне так страшно... Не оставляй меня...

Слушая эти сбивчивые, полные детского ужаса бредни, Чэн Жан не выдержал. Слезы ручьем хлынули из его глаз.

— Не бойся, Се-эр. Я с тобой.

Свист клинка оборвал его муки, рассекая дыхание скверны.

Глухой удар!

Е Хуай покатился по каменистой земле безжизненным кулем. От сокрушительного удара он перевернулся в воздухе и рухнул навзничь. Раздался сухой, отчетливый хруст — плечевая кость разлетелась на осколки.

Дикая боль ослепила его, мальчик попытался свернуться клубком, но преследователь не собирався давать ему передышку. Каждый новый выпад был нацелен в самые уязвимые, смертоносные точки.

Е Хуаю пришлось перехватить рукоять левой рукой. Опасность пробудила в нем дремлющие звериные инстинкты — преодолевая адскую муку, он сумел отразить три смертоносных удара кряду. Но четвертая волна режущей энергии настигла его со спины, обрушившись на лопатки сокрушительным весом.

Изо рта хлынула кровь. Мальчик услышал, как с треском рвется его собственная плоть. Следом последовал мощный удар по запястью — пальцы разжались, и Костяной меч с жалобным звоном покатился по камням.

Незнакомец прекратил атаку. Небрежным движением он отбросил покалеченного ребенка в сторону, после чего неторопливо подобрал Костяной меч. Широкая ладонь с тонкими, изящными пальцами благоговейно скользнула по лезвию, оглаживая каждый изгиб костяной рукояти.

Е Хуай уткнулся лицом в пыль. Все тело превратилось в одну сплошную ноющую рану, кости были так, словно их дробили тяжелыми молотами, а под кожей копошились тысячи кусачих тварей. Из глаз против воли катились слезы.

Замок долголетия на шее раскалился добела, впиваясь в ключицы раскаленным клеймом. Мальчик судорожно прижал ладонь к груди, пытаясь уберечь артефакт:

— Верни... Это... меч... который мне... подарил наставник...

Стоящий перед ним человек замер.

Плотная ткань черного капюшона скрывала его лицо, но Е Хуай всем существом ощутил направленный на него издевательский, пренебрежительный взгляд. Из-под капюшона раздался глухой, искаженный магией голос:

— Неужто ты думаешь, что достоин владеть этим оружием, ничтожество?

<http://bllate.org/book/19047/1964099>